

Печальный путь регресса

РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ

«Северный край» продолжает разговор о совершенствовании образования, начатый работниками высшей школы Владимиром Порывкиным («Нужны ли такие реформы вузам?» – «Северный край», 14 января 2009 г.), Львом Размолодиным («Тройку нужно запретить» – «Северный край», 16 января), о том, что понимаемая правительством необходимость реорганизации средней и высшей школы вместо перемен к лучшему иногда рождает чудовищ, способных только усугубить техническую и культурную отсталость страны. С необычной стороны критикует современное образование и наш постоянный автор Владимир Жельвис.

После почти пятидесяти лет преподавания теории и практики английского языка в вузе, мне кажется, я имею некоторое право, что называется, «остановиться и оглянуться».

Помню, как школьниками в послевоенные годы мы с воодушевлением выкрикивали нашей «немке»: «Для чего стране советской изучать язык немецкий?» Милая и безответная Лидия Ниловна только беспомощно улыбалась: а в самом деле, для чего? Ну, хорошо, именно Германия была нашим самым близким врагом, но не разговаривать же с врагами, их надо беспощадно бить!

Приходится признать, что примерно так думали вместе с глупыми школярами и наши тогдашние чиновники от образования, только ход их мысли был немного иной: знать иностранный язык народным массам опасно, бог его знает, что они там могут наговорить, сами чиновники-то языки толком никогда не учили. Даже в последние советские годы на инязы наш парторг протестовала против выпуска стеновых газет на иностранных языках: как проверить, что там написано, может крамола какая?

Да, но, с другой стороны, говорить такое вслух было неудобно. И исключать иностранные языки из списка обязательных предметов было ну никак нельзя.

И выход был быстро найден. С одной стороны, иностранные языки в школе были, а с другой – число часов на них было ничтожно, в основном всё сводилось к чтению скучных, насквозь политизированных текстов. Ниже иностранного языка в расписании стояли разве что пение, рисование и физкультура. Выучиться инос-

транному языку в школе было так же невозможно, как петь или рисовать.

Конечно, были факультеты иностранных языков в вузах. Были даже институты иностранных языков. Там учили серьёзнее. Но опасность научиться слишком хорошо оставалась. И здесь тоже был найден интересный выход. Огромную часть отводимого на изучение языков времени занимали теоретические курсы. Студенты тщательнейшим образом изучали историю языка с древнейших времён, зубрили сложные определения фонетических терминов, кропотливо разбирались в проблемах теоретической грамматики (просьба не путать с грамматикой практической!), спотыкались о трудные вопросы лексикологии. И всё это, конечно же, мгновенно забывалось, когда бывшие студенты шли в школу, чтобы преподавать практику английского языка. К чему они были совершенно не готовы, ибо большую часть времени они эту практику не изучали сами.

И это было замечательно! Ибо для чего стране советской... и т. д.

Мы что, говорить по-английски «личиком» не вышли?

Но вот пришли новые времена. Вдруг изучать иностранные языки стало престижно, прямо как физкультуру, на факультеты иностранных языков и физвоспитания – самые высокие конкурсы, молодёжь идёт даже на те отделения, где языки – только вторая специальность, она ценится выше первой! Что произошло?

А всё очень просто. Абитуриенты поняли, что без иностранного языка в двадцать первом веке карьеру никак не сделать. А что до конкретно ан-

глийского языка, то появилось даже мнение, что его и иностранным-то считать не следует, это просто язык международного общения, который обязаны знать все образованные люди, и знать не только в письменном, но и непременно в устном варианте: ведь теперь выезд за границу свободный, можно поехать не только посмотреть, но и поработать. Немецкий или там французский с испанским-итальянским – это пока ещё иностранные языки, хотя, кто знает, может, вско-

ловиях научить студентов грамотно говорить и писать по-английски невозможно. При всех, хоть и малочисленных, но всё же существующих электронных средствах одного-двух занятий в неделю хватает разве что на поддержание ничтожных знаний, каким-то непонятным образом всё-таки полученным учащимися. Надо ли доказывать, что научиться говорить и писать на иностранном языке можно только неустанно практикуясь? Пусть меня простят историки или литераторы, но я

курс истории английского языка люблю и всегда с удовольствием его преподавал. Но я прекрасно понимаю, что в таком огромном, на два семестра, виде он нужен только немногим будущим диссертантам, но никак не тем, кто мечтает научиться хорошо говорить и писать по-английски. И теоретическая грамматика в столь же большом объёме тоже не нужна, в противоположность грамматике практической, без которой овладение языком абсолютно невозможно. И лексикологию, и теоретическую фонетику можно было бы дать студентам в виде краткого, в несколько лекций, обзора. А вот практической фонетике, обучению правильному произношению надо дать куда больше времени, чем сейчас.

Абсолютно убеждён, что там, наверху, всё это понимают не хуже меня. Так почему не меняют учебные планы и программы? Боюсь, что знаю ответ. При советской власти боялись крамолы, которая могла через иностранные языки проникнуть к нам за железный занавес. А теперь бояться, что хорошее знание иностранных языков поспособствует утечке мозгов за границу. Железного занавеса, слава богу, нет, но незнание чужих языков может роль такого занавеса выполнить. Нет, конечно, специалисты со знанием иностранного языка нам нужны, но небольшое их количество можно подготовить через пару привилегированных университетов, МГИМО и пр. В конце концов кого-то из бранного можно послать учиться язык и за границу. В массовом же порядке знать языки нежелательно и даже опасно.

Вы скажете: но ведь в конечном счёте такая политика приведёт к безнадежному отставанию нашей страны во всех отраслях нашего хозяйства и в культуре. Может быть, лучше подумать, как сделать, чтобы молодёжь не прельщалась лучшими условиями работы «за бугром»? Да, конечно, но это путь долгий и очень трудный, а срок пребывания чиновника на его доходном посту ограничен.

Так что пусть всё остаётся как есть. Чтобы, как говорится, и невинность соблюсти, и капитал приобрести.

Владимир ЖЕЛЬВИС
профессор ЯГПУ

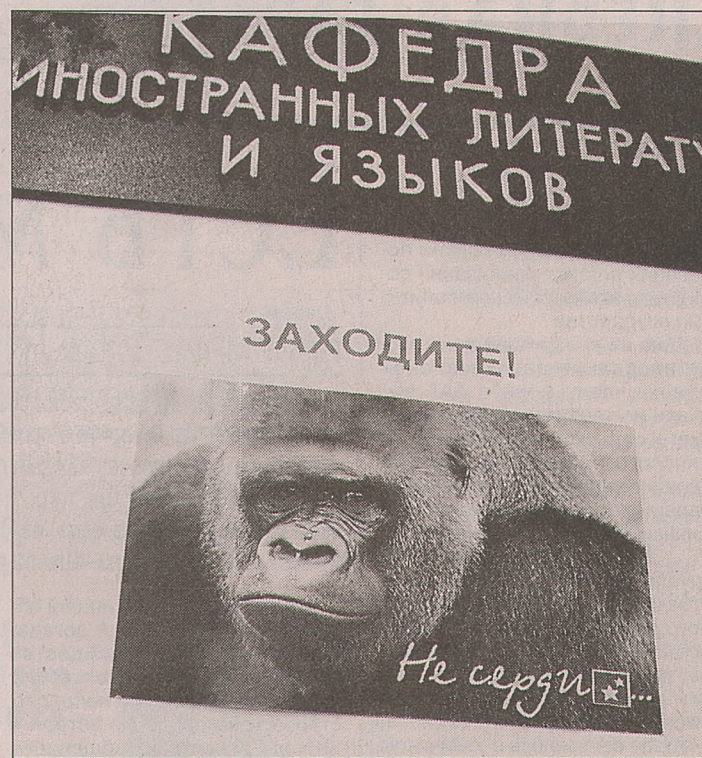

фото Вячеслава ЮРАСОВА

рости и они приобретут более высокий статус, так что надо готовиться. Но с английским уже сегодня в Европе не пропадёшь, там-то давно поняли, что без него – никуда.

А как на эту проблему откликнулись наши чиновники от образования? А никак. Впрочем, нет, откликнулись. Часы на преподавание практики языка резко сократили, зато на теоретические курсы оставили как есть.

Я прошу меня правильно понять. Всю жизнь я преподаю почти все теоретические курсы, и, судя по отзывам, делаю это неплохо. Но я веду и языковую практику и вижу, что в таких ус-

всё-таки скажу, что какой-нибудь бездельник сможет за ночь перелистать толстый учебник и наутро наговорить уставшему экзаменатору что-нибудь такое-такое на желанную тройку. С иностранным языком такой номер не пройдёт. Студент может выучить сложную форму образования какого-нибудь там английского «настоящего современного длительного времени», но к месту употребить эту форму он сможет только после долгих часов практики. А где ему эти часы взять, коль они потрачены на запоминание всех типов склонения древнеанглийского существительного?

Между прочим, лично я